

На правах рукописи

Реинбах Ольга Евгеньевна

**«НАШЕДШИЙ ПОДКОВУ» О. МАНДЕЛЬШТАМА:
ИСТОРИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Иваново – 2018

Работа выполнена в ФГБОУ ВО
«Ивановский государственный университет»
Шуйский филиал

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор,
Океанский Вячеслав Петрович

Официальные оппоненты: **Орлицкий Юрий Борисович**
доктор филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», учебно-научная лаборатория мандельштамоведения, ведущий научный сотрудник

Багратион-Мухранели Ирина Леонидовна
кандидат филологических наук, доцент
ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет», кафедра теории и истории литературы, доцент, член Мандельштамовского Общества

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»**

Защита состоится 14 июня 2018 года в 13-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37, ауд. 403.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке университета и на сайте ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»:
http://ivanovo.ac.ru/sveden/struct/dissertational_councils/1495/2018.php

Автореферат разослан _____ апреля 2018 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, проф.

Е. М. Тюленева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Мандельштамоведение зародилось после 1950-х годов и за семьдесят лет не утратило своей **актуальности**. В научном сообществе и околонаучной среде не угасают споры об отношении к творчеству поэта, о подходах к его исследованию, в том числе о достоверности и авторитетности тех или иных источников. Тем временем, многие архивные материалы по Мандельштаму остаются не изученными, не описанными и не приведенными в систему; как следствие – история некоторых произведений, важных для понимания эстетической позиции поэта, оказывается не раскрытой и отодвинутой на задний план. Такое положение вещей коснулось, в частности, «Нашедшего подкову», хотя этот текст представляет особенное явление в мандельштамовской поэтике.

Не имеющий всех привычных признаков стиховой речи, стихотворение выбивается из творчества Мандельштама, характерными для которого были «классические» метры и рифмы («неинтересные», как их называл И. Бродский). В рамках свободного стихосложения не версификационные законы диктуют лексическое, грамматическое и синтаксическое, состав строф и строк обуславливается не определённым числом стоп и не созвучиями, маркирующими окончание стиха, первоочерёдной в нём становится авторская концепция текста. Развёрнутое изучение истории авторской воли относительно «Нашедшего подкову» ранее предпринято не было. Безусловно, феномен формы «Пиндарического отрывка» привлекал взгляды исследователей (например, есть несколько работ Ю.Б. Орлицкого, которые демонстрируют, пожалуй, единственный на сегодняшний день глубокий метрический анализ стихотворения), однако пласт движений текста во времени не поднимался. Вопросы собственно истории произведения касались составители критических собраний поэта, и результат проделанного ими анализа – публикации в посмертных изданиях и комментарии к ним, но при всей основательности сделанных примечаний, картина развития текста и в них осталась не раскрытой полностью. Работа, характеризующаяся в настоящем реферате, стремилась восполнить этот пробел. **Научная новизна** диссертационного исследования состоит в 1) привлечении максимального числа источников, в т.ч. не использованных ранее при изучении стихотворения, 2) опыте систематизации фактов об истории произведения «Нашедший подкову», 3) описании генезиса и эволюции единственного оригинального свободного стиха О. Мандельштама.

История текстологических решений относительно «Нашедшего подкову» показала ряд разночтений, и, вероятно, причиной этому послужили расхождения текста в прижизненных источниках. Но не к выявлению единственно верной редакции «Пиндарического отрывка» стремилось исследование (как не предполагалось решить и многие другие задачи, которые ставит перед собой серьёзная текстология). Тем более оно не претендовало на критику существующих в настоящее время изданий текста и последующих его интерпретаций. Множественность вариантов – это отражение изменений, появившихся в результате авторской работы над произведением, и диссертационное сочинение

раскрывало **проблему** отсутствия обширной базы фактов об истории разных видов бытования «Нашедшего подкову».

Изучение строилось на основе постижения текста как динамической системы, предлагалось исследование всех доступных источников, а также обстоятельств, которые окружали стихотворение и могли быть предпосылкой его создания или причиной продолжения работы над ним (**методологической основой** в описываемой работе стали приёмы сравнительного историко-литературного анализа). Более того: поскольку история текста никогда не заканчивается (тексту и истории его существования даёт движение контекст, в частности, исторический и литературный), в диссертации подвергались анализу смыслы, полученные произведением после смерти автора, понимание, обретенное им в иные временные отрезки.

Объектом исследования стал текст стихотворения «Нашедший подкову» в различных источниках, а **предметом** – история этого произведения.

Цель состояла в изучении и описании исторического пути «Пиндарического отрывка» О. Мандельштама: истории создания, истории авторской воли в отношении него, его истории вне авторской воли, истории его поэтической формы и т.д.

В работе решались следующие **задачи**:

- найти все доступные прижизненные источники текста, изучить хронологию их появления, привлечь необходимые документы и мемуарные свидетельства;
- изучить рукопись «Нашедшего подкову», рассмотреть характер работы автора над черновиком текста, сопоставить специфику соиздания «Нашедшего подкову» с характером работы Мандельштама над другими произведениями; изучить исправления и пометы в автографе «Нашедшего подкову», определить их возможные причины и значение;
- изучить публикации «Нашедшего подкову» в периодических изданиях, сопоставить их с рукописью; описать изменения, произошедшие с текстом, выявить их причины и последствия;
- изучить текст «Нашедшего подкову» в прижизненных сборниках стихов поэта, оценить роль автора в составлении этих книг, рассмотреть местоположение «Пиндарического отрывка» в их структуре; сравнить текст в книгах с текстом в рукописи и в периодических изданиях; сопоставить текст прижизненных публикаций «Нашедшего подкову» с текстом в посмертных собраниях, рассмотреть, какие из источников текста в посмертных изданиях брались за основу; выявить разночтения (в строфике, стиховом разделе, пунктуации и проч.) и их возможные причины;
- познакомиться с характерными чертами периода творчества, к которому относится «Нашедший подкову»; исследовать обстоятельства создания текста: место и время написания стихов, исторические факты, окружающие «Пиндарический отрывок»; выявить причины, могущие повлиять на возникновение произведения;

- познакомиться с жанровыми особенностями стихотворения, определить жанровые установки поэта, выявить возможные источники жанра «Пиндарического отрывка», изучить текст «Нашедшего подкову» в истории жанров;
- изучить работы, посвященные ритмообразующим особенностям произведения, изучить «Пиндарический отрывок» в контексте нетрадиционной стихотворной техники у Мандельштама, сопоставить текст «Нашедшего подкову» с другими проявлениями «неклассического» стихосложения в XX веке, исследовать возможные источники такой формы у поэта.

Теоретическая значимость: в диссертации собрана база сведений об истории «Нашедшего подкову», показаны ретроспектива текста и мир произведения в его временной протяжённости. Рассмотрение процесса создания и развития «Пиндарического отрывка», раскрытие истории его формы и содержания, анализ его функционирования в историко-литературном контексте позволили увидеть стихотворение как знаковое событие в русской литературе XX века. Монографическое исследование произведения продемонстрировало, что не только статичный материал, представленный в посмертном издании, способен вести к развитию смыслов в сознании читающего, но и движение самого текста во времени может открывать новые перспективы понимания.

Практическая значимость: полученные результаты могут найти применение при составлении последующих критических изданий наследия О. Мандельштама, а также при разработке специальных курсов по текстологии, по истории поэзии Серебряного века, по поэтике Мандельштама и при рассмотрении проблем теории неклассических стихов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Для создания «Нашедшего подкову» terminus post quem – март-апрель 1923, terminus ante quem – ноябрь-декабрь 1922 г.
2. Автограф «Нашедшего подкову» и последующие источники показывают, что авторская воля в отношении текста не была статичной: поэт вносил изменения, усиливающие художественную выразительность, как по ходу создания, так и обращаясь к произведению через значительные промежутки времени при подготовке к каждой прижизненной публикации.
3. История «Нашедшего подкову» обнаружила не только волю автора, не только инородные вторжения в стихотворение (особенно ярко они проявились в редакциях, представленных в периодических изданиях), но и волю текста; с последней, в частности, соотносимы поэтика стихораздела в «Нашедшем подкову» и подзаголовков как задающий векторы смыслов.
4. В процессе истории текст «Нашедшего подкову» показывал себя в состоянии вечно переходного из одних пространственно-временных характеристик в другие. Например, автограф являет собой пограничное состояние между черновиком и беловиком, в ткани произведения по рукописи, ещё представленного в виде прозы, уже присутствовала энергетика стихотворного и т.д.
5. Изначально «Нашедший подкову» был стихотворением в прозе (хотя и переходящим в «стихотворение вне прозы»). Этот исторический факт иногда упускается современным читателем за привычным видом текста в посмертных ис-

точниках и по причине путаницы, связанной с последовательностью выхода в свет периодических изданий с произведением. Принадлежащим к разряду свободных стихов по формальным признакам «Пиндарический отрывок» стал только к моменту печати в журнале «Красная новь».

6. История стихотворения в структуре прижизненных сборников открыла его особое положение в рамках творческого этапа, к которому оно относится: оно одновременно является и включенным в период «стихи 1921-1925 гг.», и отличным от него, т.е. близким к переводным работам Мандельштама. «Неинтересные» размеры выступили у поэта как инвариант не-своего-языка-не-своего-времени-не-себя. Среди причин, могущих повлиять на возникновение текста, оказались события переломного, поворотного содержания.

7. Подзаголовок к стихотворению явился наиболее точным определением жанрового своеобразия «Нашедшего подкову». Стихотворение оказалось принадлежащим к жанру «отрывок». Понятие «пиндарический» охарактеризовало в нём ритмические особенности – так возник своего рода подвид жанра. В «Нашедшем подкову» проявились характерные черты неромантического отрывка, а также обособленного разряда свободных стихов.

Диссертация соответствует содержанию **паспорта специальности 10.01.01 «Русская литература»**, в частности следующим его пунктам: п. 4 – история русской литературы XX-XXI веков, п. 7 – биография и творческий путь писателя, п. 8 – творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и её преломлений в художественном творчестве, п. 9 – индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии, п. 11 – взаимодействие творческих индивидуальностей, деятельность литературных объединений, кружков, салонов и т.п., п. 13 – русская мемуаристика в её историческом развитии и взаимодействии с художественной литературой, п. 17 – взаимодействие русской и мировой литературы, древней и новой.

Основные положения прошли **апробацию** на внутривузовских, всероссийских и международных конференциях в течение 2012-2018 гг. Работа обсуждалась на кафедре культурологии и литературы Шуйского филиала Ивановского государственного университета. По теме диссертации опубликовано семь статей, в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура: работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении**, кроме обоснования актуальности и новизны темы, постановки цели и задач, содержится ряд важных предпосылок исследования. В нём названы часто затрагиваемые в научном кругу аспекты поэтики Мандельштама, описаны стадии развития мандельштамоведения (в особенности, его источниковедческой и эдиционной части), очерчена освоенная область в отношении истории текстов поэта; мотивирован выбор объекта и предмета исследования (в

частности, обрисованы некоторые устойчивые свойства мандельштамовского стихосложения и обращено внимание на феномен выделенности анализируемого текста из всего корпуса произведений Мандельштама); кроме прочего, во избежание голословности предъявлены основания для постановки проблемы (представлены посмертные издания «Нашедшего подкову», проведён сопоставительный анализ между ними, частично продемонстрирована разница в публикациях и приведены некоторые интерпретации стихотворения, не принимающие во внимание динамику текста); также показаны подходы текстологов-мандельштамоведов к выбору вариантов и выявлены сложности, ожидавшие исследование в связи с теорией свободного стиха.

В первой главе («**История формы стихотворения “Нашедший подкову”**») названы основные источники текста, по которым проводился анализ в течение всей работы: это автограф, публикации «Нашедшего подкову» в газете «Накануне», в журнале «Красная новь» и в сборниках стихов Мандельштама, выпущенных при жизни поэта («Вторая книга», «Камень», «Стихотворения»), а также оттиск из «Красной нови» с авторской правкой. Существенная часть главы посвящена изучению движений текста по рукописи и периодическим изданиям. Но прежде была описана хронология выхода в свет всех перечисленных редакций стихотворения, а также затронут вопрос о его бытовании в устной форме. Здесь же рассмотрена проблема датировки произведения: в «Красной нови» дата создания не указана, а в газете «Накануне» под «Нашедшим подкову» написано «Москва, 1922»; при этом во всех посмертных критических изданиях Мандельштама под произведением ставят 1923 год – вероятно, опираясь на датировку в последнем прижизненном сборнике как на авторскую волю (дата под «Нашедшим подкову» присутствует только в нём, в «Камне» 1923 г. и во «Второй книге» стихи не датируются). Скудные на этот счёт мемуарные свидетельства (в частности, воспоминания Э. Миндлина) позволили обозначить сомнения, касающиеся начала работы над произведением, которые перешли в последующие главы исследования, и при выявлении возможных влияний на «Нашедшего подкову» отброшены не были.

В параграфе «**История создания “Нашедшего подкову”. Рукопись стихотворения**» описан автограф произведения, подвергнут анализу процесс его соиздания, описаны переходы от одного варианта к другому, вычленены первые слои работы над текстом.

Рукопись продемонстрировала как пометы, сделанные по ходу написания (они, в частности, показали борьбу автора с тавтологией, а также его стремление к нагнетающим смысловым повторам), так и доработку первоначальной версии, совершённую через некоторый промежуток времени. Первый текст «Нашедшего подкову» поэт не авторизовал (ни даты, ни подписи под ним нет), и он был представлен как проза (ни стихов, ни строф, только пронумерованные абзацы). Интересным фактом в этом отношении стало то, что начало произведения записано супругой поэта под его диктовку и что рукой автора текст продолжается одной длинной строкой, где переход на каждую другую формально обязывает лишь лист бумаги. В то же время многие исправления по тексту сви-

детельствовали и о тяготении к стихотворному порядку слов. Но даже не это оказалось самым явственным основанием стихотворного, заложенного в «Пиндарический отрывок» изначально, а проставленные поэтом чёрточки (второй пласт работы над стихотворением). В диссертации «Нашедший подкову» по рукописи приведён полностью, причём с учётом этих отметок в качестве стихораздела. Но даже если они не являлись обозначением межстиховых пауз, произведение в любом случае предстало сегментированным ими на части, отличными от прозаических синтагм.

Во втором параграфе *«Переход от стихотворения в прозе к свободному стиху»* рассмотрен текст «Нашедшего подкову» в периодических изданиях. В первом пункте *«“Нашедший подкову” в газете “Накануне”*» выяснилось, что внешне газетная версия походит на рукопись: она тоже представляет собой повествование в прозе с пронумерованными абзацами. При детальном сличении текстов из автографа и названного печатного органа обнаружился ряд различий. Например, вместо архаичных словоформ «пятою», «песнь», «среди», «уж», «названье» стало «пятой», «песню», «среди», «уже» и «название». Первые варианты позволяли поэту, пишущему о связи времён, не только усилить выразительность смыслов, но и «воссоздать утраченное» на лексикофонетическом уровне, однако газетная публикация важность этого момента не учла. Ещё в «Накануне» вместо «слаженные в переборки» употреблено «сложенные», что вполне логично вписывается в предложение (доски сложены неким человеком в стенки, находящиеся внутри корпуса судна), но поэтическая образность в этом случае снова покинула текст. В печатном тексте «Эра звенит» вместо «звенела» – настоящее время глагола здесь неуместно ни ритмически (для сравнения: чеканное, укороченное «эра звенит, как шар золотой» и долгое, «эховое» «эра звенела»), ни семантически (из контекста становится очевидной необходимость использования именно прошедшего времени несовершенного вида: эра оставила после себя звук, который не перестал существовать). Стремление газетного варианта к грамматически верным, к синтаксически понятным, а не поэтическим конструкциям, показано в диссертации и на многих других примерах. Кроме этого, замечено, что в «Накануне» пропущены слова «обшивку», «шерсти», «упругую» и выкинут целый кусок из девятой строфы. Из примечательного в публикации ещё отмечен возврат на своё место «я сбился», в рукописи бывшего вычеркнутым (в прижизненных изданиях оно больше не исчезало из стихотворения), и прижившаяся на довольно долгий срок грамматическая форма «яблоко» (вместо «яблока» из автографа).

В пункте *«“Нашедший подкову” в журнале “Красная Новь”*» описан новый вид произведения, в котором уже есть вторичные признаки стихотворного текста, т.е. деление на стихи и строфы. Членение на строфы в «Красной нове» не совпадает с абзацами по рукописи и «Накануне». В большинстве остальных случаев публикация в журнале как будто исправляет несоответствия текста «Нашедшего подкову» в газете тексту в автографе: вернулись в стихотворение слова «вот» (вместо «это»), «свободные» (вместо «свободны»), «слаженные», «пятою», «песнь», «уж»; «эра» в журнале, как и в автографе, «звенела» и «отве-

чала»; кроме того, снова на своё место встали три слова, которые в «Накануне» были пропущены, и вернулось двестише про монеты. Правда, добавилось нечто новое: в частности, ещё несколько архаических словоформ, «мореход» вместо «моряка» (первое – типично мандельштамовское слово, которое, однажды показавшись в «Нашедшем подкову», осталось в нём насовсем; в полном тексте диссертации приведены размышления на этот счёт), союз «и» в начале второй строфы вместо «а» и «будто» вместо «будь то» в строках про одуряющий запах.

Сопоставительный анализ трёх самых ранних источников текста привёл исследование сразу к нескольким важным гипотезам, которые вылились в положение о хронологии событий, связанных с формой произведения. Ю.Б. Орлицкий в одной из своих статей называет публикацию стихотворения в «Накануне» второй, поскольку она вышла на полгода позднее, чем в журнале «Красная новь». И перед ним встаёт вопрос, каким образом возникла «новая» редакция. Однако, есть основания полагать, что никто не превращал текст из свободного стихотворения в стихотворение в прозе: возможно, сначала «Пиндарический отрывок» был отдан в газету, и список, подготовленный для публикации, составлялся с ориентацией на рукопись, в которой «Нашедший подкову» записан как проза (ведь её структурные элементы в «Накануне» полностью соблюдены); а затем, ещё до выхода этого издания, Мандельштам проработал состав стихов (или по просьбе редакции, или по собственному желанию, или по воле текста), уже готовя стихотворение к «Красной нови». Таким образом, порядок выхода периодических изданий не говорит о том, что подготовка списков и их передача печатным органам осуществлялась в той же последовательности. И если так, то первой редакцией следует считать стихотворение в рукописи, публикацию в «Накануне» – вариантом первой редакции, а публикацию в «Красной нови» – уже второй версией, ставшей в последствии основной.

Глава «История “Нашедшего подкову” в поэзии О. Мандельштама» открылась анализом степени участия автора в составлении сборников своих стихов. Наиболее тщательно проработанной Мандельштамом оказалась «Вторая книга». Тексту «Нашедшего подкову», опубликованному в ней, посвящён первый параграф второй главы (*«Подготовка “Нашедшего подкову” для “Второй книги” О. Мандельштама. Наслоение авторских воле»*). В качестве наборной рукописи для издания поэт предоставил отпечаток текста «Пиндарического отрывка» из «Красной нови» с внесёнными в него поправками – этот прижизненный источник стал одним из важнейших на пути постижения истории произведения (поскольку являлся вторым и последним показателем непосредственно руки автора), и текст по нему был не только полностью приведён, но и подробно описан.

Как автора Мандельштама категорически не устроил журнальный вариант стихов: он зачеркнул своё имя под публикацией и оставил несколько надписей, свидетельствующих о недовольстве. В диссертации приведены исправления, сделанные поэтом. Первый разряд таковых относился к ошибкам мелким, но значимым для понимания смысла (например, «будто» заменено на «будь то», «и» – на «а»); в большинстве случаев откорректированное совпадает

с тем, что было в газете и рукописи, но есть и поправки, которые можно считать следующим пластом работы автора над текстом: в частности, «Слепок с голоса, которым он произносит эти слова» приёмом олицетворения преобразовалось в «Слепок с голоса, который произносит эти слова»). Второй вид поправок касался строфораздела (длинными поперечными линиями поэт, вероятно, разделял строфы, что – опять же – продемонстрировало возврат к рукописному варианту, хотя строфика наборной рукописи для «Второй книги» от автографа всё же немного отличилась). А третья категория корректив затрагивала стихораздел. Во-первых, Мандельштам заменил прописные буквы на строчные в словах «который» и «наполовину», приведя способ записи стиха «лесенкой» в правильный вид, и таким образом не только исправил огрехи в печатном тексте, но ещё и подтвердил существование именно «лесенок» в своём произведении, а, как известно, «ступенчатое» размещение стихотворной строки на бумаге – признак поэзии Серебряного века (именно тогда оно закрепилось в стихотворчестве и стало частым явлением в нём) и особый метод ритмического осмысления текста, при котором иначе распределяется время стиха, усложнённым образом расставляются акценты. Во-вторых, поэт перечеркнул все скобки, избыточные в журнале. Они могли появиться в публикации вследствие того, что поэт предоставил для напечатания прозаический по виду текст с пометками, которые обозначали стихораздел, а наборщик принял их за скобки. Но в работе представлены факты, которые позволяют в этом усомниться: рассмотрение каждого случая скобок и сопоставление их с чёрточками по рукописи, а также со стихами, обозначенными в журнале, показало, что только в нескольких случаях предположение подтверждалось, далеко не во всех. Этот факт привёл научную работу к изучению того, что поэт не исправлял, и полученные наблюдения оказались важными для построения новых гипотез относительно истории авторской воли. Мандельштам не тронул окончание в слове «яблоко», не заменил «солёною пятою» на «солёной пятою», как в рукописи, оставил «морехода», появившегося в тексте журнала, сохранил все знаки пунктуации из него (за исключением скобок) и не стал каким бы то ни было образом править стихораздел, представленный в «Красной нови», в т.ч. на последней странице, где не встречается ни одна скобка – вероятно, композиция и лексическое наполнение текста были принципиальными для поэта (судя по сделанным правкам), ощущалось важным само наличие строк, а конкретные межстиховые разделы – нет. Такое отношение Мандельштама к распределению «Нашедшего подкову» на стихи очень схоже с его взглядом на пунктуацию: известно, что поэт не вмешивался в расстановку запятых, двоеточий и проч., сделанных в его произведениях другими лицами, переписывавшими текст (интересно, что вариации с пунктуацией в «Нашедшем подкову» во всех посмертных изданиях чаще всего возникали именно на конце строк); если автора и волновали знаки препинания, то, прежде всего, как паузы. При таком раскладе и чёрточки из рукописи, и скобки, которые так неуместны в тексте журнала, и положение стихов по «Красной нови» могли быть в понимании автора не строгим распределением на строки, а поэтическими интонациями. В связи с этим в стихотворении открылась воз-

возможность различного стихораздела как многочисленность вариантов прочтения: например, изображённый стихотворением в прозе, «Нашедший подкову» представляется некоей глыбой времени с предельно продолжительными стихотворными фразами, превышающими человеческий запас воздуха; с сегментацией, которая усматривается в чёрточках Мандельштама по рукописи, появилось больше акцентов; последующее распределение на строки (в т.ч., лесенки), показало ещё более «разреженную» мелодику.

Расположение стихов по журналу практически таким же перешло в корректуру и во «Вторую книгу», а затем с незначительными вариациями и в последующие прижизненные источники текста (как, кстати, и в посмертные). После первого появления произведения в книге стихов Мандельштама, разночтений вообще становится меньше. Тем не менее, они встречаются, и основные представлены в параграфе *«“Нашедший подкову” во “Второй книге”, “Камне”, “Стихотворениях”. Проблема источника авторской воли»*. Например, сочетание слов «Хрупкий прибор геометра» в «Камне» оказалось отдельным стихом впервые. В нём же исчез союз «И» перед словом «лицо» – и появилась лесенка, которой не встречалось раньше; такое ступенчатое размещение строк в этой редакции неоднократно повторилось (в частности после слов «воздух», «хрусталь», «шорох», «дети», «звук», «конь»). Анализ данного ритмического рисунка (разорванного, но задающего близкое силлабо-тонике постоянство и создающего эффект ожидания, на котором держится поэзия) привёл исследование к выводу, что расценивать «лестничные новообразования» как результат авторской воли не следует, но их бытование в тексте «Нашедшего подкову» как минимум интересно, поскольку явление, когда «то ли это один стих, то ли два...» очень точно отражает поэтику истории стихораздела в произведении. В следующем сборнике такая расстановка не сохранилась (как и в посмертных изданиях, которые опирались на «Камень» в качестве основного источника текста). В «Стихотворениях» в «Нашедшего подкову» вернулась (спустя четыре публикации после рукописи) словоформа «яблока», а также (спустя три публикации после «Накануне») вместо нейтрального «двигаются» книжное «движутся» (оно как будто задаёт непрерывность, плюс – сокращает количество слогов).

За изучением всех разночтений в прижизненных сборниках поэта последовал разбор проблемы выбора среди них основного источника текста. «Вторая книга» в качестве такового ни в одном проанализированном посмертном издании не указывалась (несмотря на то, что она признаётся исследователями «самой авторизованной»). Эта роль отводилась «Стихотворениям» 28 г., «Камню» 23 г. и даже тексту из журнала. Выбор в пользу первого понятен – как бы издание ни пострадало от цензуры, оно стало последним, вышедшим при жизни поэта, и текстологам приходилось прибегать к нему как к последней авторской воле (с рядом погрешностей). Соответствия и несоответствия текста в современных книгах прижизненной версии в диссертации подробно описаны. То же проделано касательно изданий, в которых как основной указывался второй из названных источников (к нему, по замечанию составителей, привели правки по

тексту журнала). А относительно собраний, которые заявляли в комментариях, что текст публикуется по «Красной нови», выяснилось, что в них больше внимания уделили не печатным, а тем источникам, в которых отчётливо присутствует рука поэта: «Нашедший подкову» из этих книг скорее учитывает авторские поправки, чем сам текст из периодического издания, а определяющим редакцию стали даже не они, а рукопись. И в компоновке строф, и в стихоразделе составители, вероятно, опирались на автограф. Каждая чёрточка из него чётко отобразилась в этих сборниках делением строк (за исключением той строфы из рукописи, в которой Мандельштам вообще не проставил помет (со «С чего начать?») – здесь стихораздел выглядит как в журнале и «Второй книге»). На месте некоторых пометок Мандельштама из рукописи вместо новых стихов появились лесенки, которых ранее не было. Также в этой редакции «Нашедшего подкову» чаще, чем в других, встречаются строки из одного слова и точки. Например, точки вместо запятых в строке «Я сам ошибся, я сбился, запутался в счёте»; ещё из неё исчезло «я сбился» (которое в рукописи было зачёркнуто) – получилось «Я сам ошибся. Я запутался в счёте». Всё как в автографе, за исключением нескольких редких вещей: «мореход» вместо «морьяка» и «который произносит...» вместо «рукописного» «которым он произносит свои слова». Так, в некоторых случаях редакция «Нашедшего подкову», ориентированная на рукопись, факт подвижности текста учитывала, т.е. она не слепо возвращала «Нашедшего подкову» к изначальному виду, а оставляла место и нововведениям поэта. К такому умозаключению привело сопоставление текстологических решений относительно «Нашедшего подкову» в посмертных изданиях с теоретическими данными, касающимися вопроса авторской воли (в т.ч. последней авторской воли), с трактовками явления «автор как текстолог», а также с исследованием подходов Мандельштама к переписыванию стихов, подготовке своих сборников, проверке изданий перед печатью, с изучением его отношения к выпущенным книгам и проч.

Основу следующего параграфа (*«“Нашедший подкову” в структуре прижизненных сборников стихов. Место в периодизации творчества поэта»*) составили наблюдения уже не за самим текстом в авторских изданиях, а за его местом в их структуре. Но прежде был показан обзор различных периодизаций творчества Мандельштама (в частности, предложенных Л. Гинзбург, Н. Струве, А. Мецем и др.). Произведения 1921-1925 гг. предстали как отдельный этап и от «Тристий», и от «Камня»; они слились в единый цикл, оказались объединёнными (помимо времени создания) тематикой и ключевыми словами, в некоторых текстах обнаруживалось даже совпадение целых строчек (это явление развёрнуто показано в диссертации). Однако история состава «книг» Мандельштама (иначе – количества и порядка текстов, заключаемых им в разделы сборников) засвидетельствовала, что для автора такое понимание названного периода из собственного творческого пути сложилось не сразу: об этом, в частности, говорит наличие «Нашедшего подкову» в третьем переиздании «первой книги стихов» поэта «Камень», тогда как в нём же отсутствовали «Грифельная ода», «Век» и некоторые другие стихи из «цикла», которые на момент выхода

сборника уже были созданы. Между двумя названными стихотворениями текст будет расположен во «Второй книге» – так «Нашедший подкову» вместе с близкими ему произведениями начнёт соотноситься с новой волной поэтической истории автора; а к 1928 году, когда уже будут написаны «1 января 1924», «Нет, никогда ничей я не был современник» и т.д., в «Стихотворениях», где содержание выстроено по принципу «книг», можно будет увидеть, что период «стихи 1921-1925 гг.» окончательно сложился во времени, пространстве и сознании автора. Но первое явление «Нашедшего подкову» в прижизненном сборнике остаётся историческим фактом, который показывает, что в своё время стихотворение вписывалось и в другой круг произведений Мандельштама: в «Камне», издании авторских стихов, наряду с «Пиндарическим отрывком» присутствовали и переводные работы («Начало «Федры». (Расин)» и «Сыновья Аймона») – они, созданные в тот же период, а также некоторые другие переводы (многие из которых написаны свободным стихом) оказывали влияние на поэтику «Нашедшего подкову», и их можно рассматривать не только как важный фон (что уже отмечалось М.Л. Гаспаровым и Ю.Б. Орлицким), но и как образующие вместе с «Пиндарическим отрывком» некую общность: когда поэт, мыслящий силлабо-тонически, создаёт нерифмованное или неметрическое произведение, он как будто говорит на другом языке.

Кроме переводов, в диссертации выявлены и другие обстоятельства, окружавшие текст и могущие служить предпосылкой его создания. Обзору были подвергнуты вехи жизни Мандельштама, начиная с ключевого эпизода эпохи – революции, заканчивая датой первой публикации текста. Объектом внимания становились семейная и бытовая жизнь поэта, места, в которых он бывал, его круг общения в эти годы, рассматривалась стихотворческая производительность, книгоиздательская деятельность, а также писательская (штудировались его статьи) и общественная (разбирались выступления, лекции Мандельштама); кроме того, были охарактеризованы некоторые внешние события, обрисовано историческое и историко-литературное поле (в частности, отмечены смерти Блока и Гумилёва, ставшие знаменательными не только для Мандельштама, но и для истории русской литературы – с ними связывается окончание Серебряного века, в т.ч. акмеизма; воспринятой и, возможно, выраженной в «Нашедшем подкову» могла быть и смерть Хлебникова, автора многих свободных стихов). Всё свидетельствовало о переосмыслении, переоценке (как собственной поэзии, так и всей литературы), о промежуточности и потерянности. И если тогда «экспериментальные размеры», такие как логоэд и акцентный стих, нарастали в творчестве поэта, то «Нашедший подкову» стал пиком в процессе парадигмальной смены в поэтическом сознании автора.

Для последней главы диссертации было отложено изучение подзаголовка к «Нашедшему подкову», до неё анализ этой части текста умышленно опускался, поскольку представлял собой выход за пределы истории стихотворения при жизни автора. После усвоения функций подзаголовков в заголовочных комплексах, после описания названий и подзаголовков к другим работам поэта, после знакомства с различными интерпретациями словосочетания «Пиндариче-

ский отрывок» исследование утвердилось в том, что ничто иное в этом произведении так открыто не отсылает к исторической поэтике (название третьей главы – «**“Пиндарический отрывок” и историческая поэтика**»).

В работе подробно рассказано о движениях подзаголовка по прижизненным источникам: он удивительным образом то появлялся, то исчезал. Поскольку эта часть текста не была встречена ни в одном из рукописных вариантов, проработка вопросов её истории потребовала установления авторства. Несмотря на то, что «пиндарический» не относится к разряду часто употребляемых слов Мандельштамом, стилистическая принадлежность понятия автору стихов показалась очевидной, потому как оно воплощает в себе чуть ли ни не все хрестоматийные вещи, накрепко связанные с именем поэта: здесь и созвучие с «поэтикой античности», и «тоска по мировой культуре», и «гений противочувствия», и «пучки смыслов». После нескольких версий относительно происхождения подзаголовка (предложенных с учётом данных, полученных из мемуарных источников) были названы возможные векторы термина «пиндарический»: 1) отсылка к конкретному поэту, 2) «Пиндарово», т.е. принадлежащее Пиндару, свойственное поэтике конкретного поэта: образы, мотивы, композиция, стиль, 3) свойственное переводам текстов Пиндара, 4) отсылка к античности в целом через Пиндара как её часть, 5) нарицательное «возвышенный»/«торжественный» или «выспренный» без привязки к имени, 6) присущее мифу о конкретном поэте, отвечающее традиции восприятия Пиндара, 7) «пиндарическое» как «одическое». В тексте исследования каждое из пониманий слова подробно разобрано в отношении «Нашедшего подкову». Возможно, поэт не видел в словосочетании подзаголовка, а просто однажды (или несколько раз) употребил его как некую характеристику, возможно, это необязательный элемент текста, не императив к читателю, а «обозначение для себя», вероятно также, что появление подзаголовка (как и названия) – один из пластов работы над произведением. В любом случае, при том, что не все прижизненные и посмертные источники включают в публикацию стихотворения подзаголовков, он остаётся в истории «Нашедшего подкову» присутствующим (потому что точен и верен тексту). И тут вопрос уже не о воле автора, но о воле самого текста и о воле истории, в том числе истории литературы и литературоведения.

В первом параграфе последней главы («**“Пиндарический отрывок” в истории литературных родов и жанров**») прежде всего был поднят обширный комплекс исследований о жанровых тенденциях XX века; в общих чертах обрисовалась направленность к ослаблению канонов, возникновению таких понятий как «промежуточный жанр», «антижанр», «интержанр», явления «синтетических форм нового времени» и проч. Поскольку «Нашедший подкову» находится внутри этих неоднозначных процессов, размышления даже о смутной принадлежности стихотворения к каким-либо исходным формулам выстраивались чрезвычайно сложно. Например, казалось бы, определённо соотносимый с лирическим родом литературы, т.е. будучи лирическим стихотворением, «Пиндарический отрывок» показал едва уловимый противовес заявленному. С одной стороны, строка «И мне уж не хватает себя самого» уже есть ни что иное как

раскрытие внутренних глубин лирического героя, а присутствие в едином художественном пространственно-временном континууме и местоимения «мы», и местоимения «я» – демонстрация всеобщего, воплощенного в личном. Но с другой, при всей видимой интимности, у поэта здесь нет личности в полном смысле этого слова, здесь «я» не «личное, соотносимое со всеобщим» или «переходящее во всеобщее», а «изначально всеобщее». Коснувшись истории последних строк (стало известно, что в рукописи была ещё одна мысль, недописанная: «Не хватает, не достаёт – и я ищу сравнения, как»); в диссертации приведена история о процессе окончания работы над стихотворением, которая, по устным свидетельствам С.В. Василенко, была рассказана ему супругой поэта), а также изучив ряд интерпретаций героя (или героев) текста (удивительным оказалось число имён мировой культуры, которое прочитывалось в нём: Арг, Одиссей, Посейдон, Пётр I, Николай Чудотворец, Н. Гумилёв, В. Хлебников и даже В. Ленин), работа пришла к заключению, что потерянность некоего «я» из «Нашедшего подкову» не гордое одиночество, не ощущение своей «лишности» и не расколотость мира надвое, то есть оно не свойственно лирическому герою романтизма, как и реализма, футуризма, символизма или акмеизма; оно было всеобщим, пропущенным не через личное, а через культуру и историю мира, оно – «я как в принципе человек», причём «человек всеобъемлющий». Как кажется, это особый разряд лирического героя, не сводимый к присущему только лирическому роду. Так, «Нашедший подкову» прошёл через сопоставление и с эпическим родом литературы, и нашлось несколько точек соприкосновения: «повествователю» значительно интересней мир и история, чем личное; в тексте прослеживаются черты «эпической дистанции»; в нём эпический темп повествования (в частности, зачин как будто предрекает долгий рассказ); объем стихотворения больше привычного лирическому. Так, «Пиндарический отрывок» подтвердил, что «новая» литература устраивается сложнее, и приверженность того или иного произведения к чистому роду литературы – вероятно, пережитый эпизод.

В исследовании преимущественное значение в ответах на любые вопросы имела авторская воля. Поэтому с проблемами жанра оно вернулось к подзаголовку (призванному представлять литературно-предметное о тексте) как к тому, что сообщает сам поэт. Из этой же точки исходили многие учёные в стремлении определить жанр «Нашедшего подкову»: при неотчётливости жанровых признаков, изучение направлялось в сторону оды, поскольку Пиндар служил её олицетворением. В качестве обоснования подобных изысканий в пункте «*“Пиндарический отрывок” в истории оды*» использовался также источник, который ранее не привлекался в отношении «Нашедшего подкову», – свидетельства С.Б. Рудакова, советского писателя и литературоведа, бывшего знакомым с поэтом. В нём показано, как Мандельштам оперирует уже непосредственно термином «ода» вблизи стихотворения. (Цитата приведена в работе и с разных ракурсов рассмотрена).

Разобравшись с дефинициями оды, назвав ряд её устойчивых признаков, исследование стало сопоставлять их с «Нашедшим подкову», и выяснилось, что

текст традициям жанра не соответствует (само собой, что в нём нет ни «восходящего ямба», ни особой рифмовки, ни связи строф последним «холостым стихом», ни строгой «одической строфы»); также не обнаружилась классическая трёхчастная композиция, не был найден свойственный оде и раскрытый как в оде предмет, в заключении стихов не встретился вывод-обобщение или нравоучение; отсутствует в тексте нацеленность на выступление-воздействие, поэт никого/ничего не восславляет; нет ни «священного безумия», ни «горнего полёта», ни культа Пиндара – черт, свойственных поэтике пиндарической оды, следовавшей за античностью). В работе была принята во внимание и история разрушения канонов оды, а также возможность существования её «частных» формул. Обзору подлежали некоторые примеры русской оды (оды Пушкина, Радищева, Рылеева, Некрасова, Маяковского, Ахматовой, а также самого Мандельштама). При сравнении вышло, что в «Нашедшем подкову» ода только «вспоминает» себя (или напоминает о себе): признаками песни (повествование от второго лица множественного числа), высокой лексикой («необузданный», «влача», «блажен» и т.д.), которая, впрочем, свойственна всему Мандельштаму, «лирическим беспорядком» (быть может, это пример «пиндарической бессмыслицы», а может, ломоносовское «сопряжение далековатых идей» или «поэтика пропущенных звеньев»; собственно говоря, на основе именно этой особенности текста учёными в большинстве случаев и выстраиваются параллели с пиндарической одой); однако это не позволяет говорить ни о сохранении, ни о продолжении жанровых традиций пиндарической оды в «Нашедшем подкову», ни даже о трансформации жанра в нём, поскольку не усматривается в произведении ни одного именно фундаментального основания, на котором держалась бы «память жанра» (как то функция, тема, предмет, метод или хотя бы результат восприятия). Таким образом, оду в данном случае можно рассматривалась лишь как один из источников «Пиндарического отрывка» – то есть как нечто прочитанное поэтом, воспринятое, сохранённое в памяти и составляющее его внутренний поэтический опыт, выливающийся в последствии в новые формы. Получилось, что «Нашедший подкову» не вписался даже в смещённую систему жанра.

Поскольку жанр в понимании автора от жанра литературоведческого может серьёзно отличаться (в диссертации приведены примеры из истории литературы, доказывающие этот факт), была предпринята попытка вычленив из цитаты поэта, приведённой С.Б. Рудаковым, мандельштамовское представление об оде. Характеристиками жанра у него выступили такие понятия как «бум, бум, бум и БУМ!» и «стоящие на своих местах эпитеты». Им «Нашедший подкову», по всей видимости, соответствует. Кроме этого, в высказывании поэта значимым оказался союз «как» – он сказал «как в оде». Таким образом текст отказался брать на себя обязательство быть одой. Кроме того, и в пределах произведения прямо вынесено читателю на ожидание в первую очередь «пиндарическое», а не «одическое» (второе получилось в итоге присутствующим в первом, но не вышедшим на главный план). К выявлению значения «пиндарического» применительно к формальным аспектам текста исследование придёт

только в последнем параграфе работы. В следующем же пункте («*Пиндарический отрывок*» в истории отрывков и других жанровых образований») размышления о жанровых установках были обращены ко второй лексеме подзаголовка.

Понятие «отрывок» граничит с такими терминами как «фрагмент» и «миниатюра». В диссертации приведены определения обоих, приняты во внимание найденные в различных научных статьях сопоставления стихотворения с этими жанрами, показаны примеры миниатюр из мандельштамовского творчества и отграничены от понятия фрагмента как жанра те явления в поэтике Мандельштама, которые показывают фрагментарность представления мира в его текстах. Из этого последовало, что первое («фрагмент») является более подходящим синонимом для «отрывка» (хотя в рамках исследования понятия разводятся) и точнее отражающим признаки «Нашедшего подкову»: в стихотворении, действительно, нет ярко выраженного зачина (экспозиция в нём не даётся – сразу развёртывание) и окончания (о чём свидетельствует последняя строка из рукописи, как раз синтаксически неполная).

Главная сложность, возникающая в связи с этим жанровым образованием, заключается в соотношении части и целого. «Нашедший подкову» может быть и собственно отрывком, и отрывком из: элегии (как лирического размышления), послания (к далёкому неведомому адресату-собеседнику), видения (со свойственным ему эсхатологическим содержанием зрительных образов), баллады, былины, песни-сказания, поэмы, эпоса и проч. В работе приведены соображения на этот счёт Ю.Н. Тынянова, а также Е. Зейферт, которая в определении жанра отрывка отграничила от него 1) незаконченные или частично не сохранившиеся стихотворения, 2) фрагментарные переводы и 3) тексты, продолжение или начало которых существует. В работе приведены произведения Мандельштама, которые соотносимы перечисленными пунктами, «Пиндарический отрывок» с таковыми не пересёкся. А после дефиниции отрывка, сделанной исследователем (в ней во главу угла поставлено целеполагание автора), стало ясно, что ей стихотворение практически полностью отвечает (примечательным оказалось, что и некоторые мандельштамовские переводы выглядели как переходные к отрывку явления – например, те, которые поэт помещал в сборники своих стихов; так было отмечено, что переводческая деятельность могла повлиять и на жанровое своеобразие «Нашедшего подкову»). Не обнаружилось в «Пиндарическом отрывке» только некоторых свойств жанра, в т.ч. «исключительности героя»; впрочем, эта характеристика касается не столько поэтики отрывка как такового, сколько поэтики романтического периода, которому и был посвящен труд Е. Зейферт. Далее были изучены связанные с «фрагментарностью» явления, следовавшие после «Нашедшего подкову», в т.ч. в рамках модернистских течений, что привело к выявлению специфических черт «нового», неромантического отрывка (в частности, в «маленьких поэмах»/«эпических отрывках» А. Ахматовой нашёлся ряд сходств с поэтикой отрывка мандельштамовского: «полуэпичность» и свобода метрической формы). Заслуживающим внимания в аспекте эволюции жанра оказался и феномен «больших стихо-

творений» И. Бродского. После изучения ряда работ, связанных с этим образованием, показалось, что «ода», «отрывок» (в том числе пушкинский), «большое стихотворение» – явления родные, «традицииперехватывающие», крепко взаимосвязанные. Возможно, что траектория движения этих форм может показать путь литературной истории к «новому типу модели мира».

В итоге получилось, что «Нашедший подкову», несмотря на смутность формы, которая влечет желание причислить произведение к внежанровым или феноменальным явлениям, всё же плывёт по течению истории литературы и, оставаясь неповторимым, вписывается в традицию. В традицию отрывка – жанра, в литературоведении ещё толком не осознающего себя как жанр. Скорее всего, и Мандельштам не относился к этой форме как к жанру в полном смысле слова; судя по истории создания рукописи, «стилизованный фрагментарность» вряд ли была запланирована поэтом: стилизация под подлинно античный текст в «Нашедшем подкову» нашла себя не в качестве мандельштамовской ориентации, а как одно из исторически сложившихся свойств жанра «отрывок» – брать исток в текстах из античной антологии, дошедших до наших времён лишь во фрагментах. Поскольку «Пиндарический отрывок» написан свободным стихом – а это один из способов выразить русским языком античную стихотворную речь (в связи с чем свободный стих часто носит античный ореол, и поэтому кажется странным, что Мандельштам, поэт «античноцентричный», им пользовался редко) – есть вероятность, что ему больше, чем другим примерам жанра, форма была навеяна именно античной литературой (что эксплицировано ещё и словом «пиндарический» в подзаголовке). Так, «Нашедший подкову» не только нашёл свой жанровую «волну» в истории литературы, не только сохранил в себе традиции отрывков, но и усилил специфические черты жанра, а также принял участие в его развитии. При этом, не показывая в себе серьёзных смещений определённой системы, сложившейся во времени (т.е. жанра «отрывок»), он стал частью построения, которое, в свою очередь, содержит в себе уже целую совокупность смещений (в отрывке проявляются свойства и «синтетичной формы нового времени», и «промежуточного жанра», и «интержанра»), и оказался вовлечён в процессы, которые являются тенденциями жанровой системы XX века (в частности, контаминации разных жанровых структур в единой модели мира (лирических и эпических), ориентация на сакральные, ритуальные жанры, «суммирование» классических лирических жанров, смешение границ между ними, возникновение новых поэтических формообразований).

Последний параграф диссертации «*“Пиндарический отрывок” в истории метрических форм*» отведён самому яркому признаку стихотворения – его мелодике. Рассуждения о ней (как и о жанре) вытекали из подзаголовка. Здесь много цитировались статьи Ю.Б. Орлицкого. В частности, приведена уточнённая учёным характеристика свободного стиха поэта («верлибр с метрическими вкраплениями») и назван найденный им источник этой формы – перевод «I Пифийской оды» Пиндара, сделанный В. Ивановым. «Пиндарическое» из подзаголовка к «Нашедшему подкову» соотносилось с ритмическим в тексте (т.е. оказалось связанным с метрикой, увиденной в переводе Иванова и, возможно,

прочитанной как «размер подлинника»). На протяжении параграфа этот тезис подкреплялся дополнительными сведениями. Также была изучена история отношения к столь необычному для Мандельштама способу развёртывания речи, т.е. выяснялось, как понималась мелодика «Нашедшего подкову» современниками и самим поэтом, какое осмысление она приобрела после его смерти. Для этого были разысканы различные намекающие на ритмы текста термины и понятия, которые в процессе истории «бродили» рядом со стихотворением: «пиндарическая проза», «опыт пиндарической прозы» (так говорил сам Мандельштам, судя по рассказу Э. Миндлина), «необычный белый стих» (тоже Мандельштам, по пересказу С.Б. Рудакова), «свободное стихотворение», «верлибр» (термином оперируют учёные). Поскольку «Нашедший подкову» был дважды (а может, и больше раз) записан как прозаическое произведение, по формальным признакам он изначально являлся произведением без метра, рифмы и членения на стихи, но с лирическим сюжетом и стилем, свойственным поэзии, – слова «пиндарическая проза» и «опыт пиндарической прозы» произносились около именно этих двух вариантов существования текста и относились, по видимому, только к ним: Э. Миндлин – сотрудник газеты «Накануне», в которой «Нашедший подкову» имеет вид сплошного текста, укомплектованного в небольшие абзацы, и как раз об этой форме он мог говорить, передавая слова поэта. Для того облика, который произведение приобрело с «Красной нови» и в котором текст бытует сейчас, «нерифмованный акцентный стих» или свободный – максимально адекватное описание. Возник вопрос, почему в таком случае сам Мандельштам (по свидетельству Рудакова) оперировал с литературоведческой точки зрения неверным в отношении «Нашедшего подкову» термином «белые стихи» (это было уже по прошествии некоторого времени после создания рукописи и после публикации в «Накануне», т.е. сказано о произведении, приобретшем членение на стихи). Для выяснения того, что есть в понимании автора «необычный белый стих», «обычный» и «свободный», в распоряжении оказались только написанная Мандельштамом рецензия на книгу «Дагестанская антология», в которой поэт употреблял словосочетание «свободный стих» в отношении перевода Махмуда, сделанного Д. Гатуевым, и его собственные произведения, способные свидетельствовать об авторском взгляде на «неклассическое» стихосложение (в частности, «Я не увижу знаменитой Федры», «Возьми на радость из моих ладоней», «Полночь в Москве»). Детальный разбор и того, и другого вылился в предположение, что понятие «верлибра» и «свободных стихов» (в исследовании они были разграничены на основе их коннотативного значения) виделись Мандельштаму нелестными и неодобрительными, и это повлияло на его названия: критично отзываясь о переводе Гатуева (в котором существенная часть – белый стих), поэт снисходительно использует термин «свободные стихи», свои безрифменные произведения, написанные пятистопным ямбом с отступлениями от размера, как кажется, он соотносит с «обычными белыми стихами», а «Нашедшего подкову» (произведение, содержащее в себе только довольно редкие метрические вкрапления, т.е. максимально отражающее технику свободного стиха, во всяком случае, больше, чем пере-

вод Гатуева) – с «необычными» (не со «свободными», а с «необычными белыми стихами»). Вероятно, Мандельштаму свободное стихосложение было чуждо как нечто неглубокое, несерьёзное. И даже когда «Нашедший подкову» выпал из его системы стихосложения, он не стал соотноситься поэтом со «свободными стихами» как модернистским экспериментом (то, что в первый раз произведение было записано как поэтическая проза, тоже свидетельствует об отсутствии установки на верлибр). За неимением комментариев о «превращении» стихотворения из одного вида в другой (в доступных источниках поэт ни разу не признал верлибрического начала в тексте, он утверждал в «Нашедшем подкову» «прозаическое дыхание» (по той же цитате от Рудакова) даже тогда, когда в нём появились стихи), приходилось предполагать, что сама эта метаморфоза не была важна для автора. Это заключение, тем не менее, не исключает значительность самой стихотворной сегментации (даже в виде прозы «Нашедший подкову» не являлся таковой в чистом виде). После сравнения текста с действительно прозаическими произведениями поэта, был сделан вывод, что сколь бы ни были ритмизированы и коротки прозаические абзацы в последних, они не могут претендовать на звание строк (поскольку совпадают с обычным синтаксическим целым): история не оставила в мандельштамовской прозе главного видимого признака стихов, а в «Пиндарическом отрывке» – оставила. Но говорить о сопоставимости произведения с большинством примеров подобной техники из XX века (демонстрирующих эксцентричность, парадоксальность, вызов логичности, разрушение традиционного слова), судя по мандельштамовскому пониманию, вероятно, не следует. Впрочем, история свободного стихосложения (в т.ч. его история после «Нашедшего подкову») показала, что текст может примыкать к иному разряду свободных стихов, в частности, к таким дисметрическим произведениям, которые, так же, как и «Пиндарический отрывок», являются редкими в рамках творчества одного поэта, не претендуют на протест против старого (а напротив – берут исток в далёкой древности, т.к. корни свободного стихосложения лежат именно там вопреки распространённому мнению о современности этой формы) и возникают в контексте эсхатологических мотивов: случаи подобного рода обнаружили у А. Ахматовой и Н. Гумилёва. Таким образом, «Нашедший подкову» вошёл ещё в одну обособленную линию истории литературы.

В завершении главы отмечено сложившееся в научном кругу убеждение, что свободный стих Мандельштама не следует расценивать как самостоятельную проблему. «Пиндарический отрывок» не считается программным произведением поэта и часто его относят к периферии. Но, возникнув в 20-е годы XX столетия, стихотворение показало чуть ли не все тенденции того временного отрезка: оказалось продолжателем недавно ставшего востребованным речевого поведения в поэтическом тексте, подхватило «неявные» жанровые традиции, отразило боль лирического «Я» нового времени; а сам процесс бытования «Нашедшего подкову» воссоздал картину эпохи: потерянность и нечто, вечно изменяемое, неустойчивое, зыбкое. История произведения показала его полифоничность, а также способность вставать в ряд задающих движение новым фор-

мам и впитывать разные черты от разного. Один и тот же признак стихотворения может отбрасывать читателя как в далёкое античное прошлое, которое не знало рифм, так и в современность, медленно, но верно обретавшую бесформенность.

В **Заключении** диссертации обобщены выводы, полученные в ходе исследования, а также намечены варианты развития темы, ориентированные на углубление степени понимания между автором и читателем.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- 1. Реинбах О.Е. «Нашедший подкову» О. Мандельштама в истории жанров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №2 (80). Ч.1. С. 38-40 (0,5 п.л.).**
- 2. Реинбах О.Е. Рукопись «Нашедшего подкову» О. Мандельштама и публикации произведения в периодических изданиях: экскурс в историю текста // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 3. С. 141-143 (0,5 п.л.).**
- 3. Реинбах О.Е. Рукопись «Нашедшего подкову» О. Мандельштама: особенности работы автора над созданием свободных стихов // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 2. С. 140-142 (0,5 п.л.).**
4. Реинбах О.Е. Последняя строка в «Нашедшем подкову» О. Мандельштама: экскурс в историю текста // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых учёных «Университет – новой школе»: материалы IX Международной научной конференции. Ответственный редактор А.А. Червова. 2016. С. 206 (0,1 п.л.)
5. Реинбах О.Е. Пиндарическая проза: «воля автора» и «изначальное». Экскурс в историю текста // Научный поиск. 2015. № 3.4. С. 46-47 (0,3 п.л.).
6. Реинбах О.Е. Нерифмованные стихи О. Мандельштама // Научный поиск. 2014. № 2.6. С. 32-33 (0,3 п.л.).
7. Реинбах О.Е. Чудак Евгений в «Петербургских строфах» О. Мандельштама: преодоление энтропии постсовременности // Научный поиск. 2013. № 2.3. С. 34-35 (0,3 п.л.).